

В.Э. КСЕНЗОВА, к.э.н., доцент,
С.В. КСЕНЗОВ, к.ист.н., доцент,
УО «Полесский государственный университет»

БАЗОВЫЕ И КОМПЛЕМЕНТАРНЫЕ ИНСТИТУТЫ КАК ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Введение

Сложившаяся в 2011 году сложная ситуация как на валютном рынке Республики Беларусь, так и в целом в экономике, делает актуальной задачу всестороннего исследования фундаментальных причин экономического кризиса. Данный кризис является отражением более глубокого процесса институциональной трансформации, который принял в Беларуси затяжной характер, выливаясь для общества в огромные транзакционные потери. Необходимо объективно оценить ситуацию и проанализировать влияние базовых и комплементарных институтов как на протекание фаз институционального кризиса и институциональной трансформации в целом, так и в экономической сфере – в частности.

Аналізу впливу системи інститутів на процеси економічного розвитку присвячено достатньо багато досліджень як вітчизняних, так і зарубіжних мислителів. Д. Норт, Д. Асемоглу, С. Джонсон, Дж. Робінсон визначають систему інститутів як головний фактор економічного зростання. Е. Глэзер, Р. Ла Порта, Ф. Лопес-де-Силанес, А. Шлейфер підтримують цю точку зору, що накопичений запас людського та соціального капіталу поступово трансформуватиме систему інститутів і створить перспективу фундаменту довготривалого економічного зростання. С. Кирдина і О. Бессонова показують непреходяче значення базової інституціональної матриці в визначенні тренду економічного розвитку. О. Бессонова описує циклічність процесів інституціональних трансформацій суспільства, виявляючи значимість як базових, так і комплементарних інститутів на різних стадіях інституціонального циклу. Ці та інші роботи створюють методологічний фундамент для дослідження процесів інституціональних трансформацій конкретних суспільств в конкретні історичні періоди. Республіка Білорусь зіткнулася не тільки з кризовою ситуацією в економіці і в суспільстві в цілому, але і з проблемою оцінки цієї ситуації, аналізу її причин і можливих шляхів подолання кризових тенденцій, що вимагає уваги до фундаментальних ис-

следованиям в области институциональной экономики.

В статье поставлена цель проанализировать влияние базовых и комплементарных институтов белорусского общества на экономическое развитие, в том числе и в сложившейся ситуации экономического кризиса и институциональных трансформаций.

Результаты и их обсуждение

Воздействие институтов на долгосрочный экономический рост и устойчивое экономическое развитие рассматриваются многими представителями неоинституционализма. В частности, в работе «Институты как фундаментальная причина долгосрочного экономического роста» отмечается: «Общества, в которых экономические институты способствуют накоплению факторов производства, инновациям и эффективному распределению ресурсов, будут процветать». [1, С.6] Д. Норт также придерживается тезиса о том, что именно институты формируют систему стимулов в экономике. При этом подчеркивается важность адекватных политических институтов, формирующих долгосрочный вектор системы фундаментальных экономических стимулов: «Экономические институты способствуют экономическому росту, когда политические институты предоставляют власть группам, заинтересованным в широкомасштабной защите прав собственности, вводят эффективные ограничения индивидов, обладающих властью, и когда возможности извлечения ренты властью имущими относительно невелики». [1, С. 4]

Сами же политические институты «представляют собой результат коллективного выбора, ключевым детерминантом их эволюции является распределение политической власти в обществе». [1, С.10] В традициях экономического империализма представители данного направления теоретической мысли склонны видеть главные причины институциональных дискретных трансформаций во внешних «шоках» технологического или организационного плана, влекущих за собой кардинальное перераспределение ресурсов, меняющее расстановку политических сил (de

facto) в обществе. При этом подчеркивается особая значимость выработанной в обществе в течение достаточно длительного времени системы сдержек и противовесов, не дающей возможности новым субъектам политической власти изменить долгосрочный тренд экономического развития. В противном случае (т.е. либо при сохранении системы автаркии, или диктатуры, либо при замене эффективной системы сдержек и противовесов диктатурой, или автаркией) общество не способно выработать эффективную систему экономических стимулов, инициирующих долгосрочное инвестирование в экономику. Сосредоточение политической власти (как *de jure*, так и *de facto*) в руках политических элит, не допускающих относительно равного доступа к экономическим ресурсам для широких слоев общества, может стать фактором долгосрочной стагнации: «... набор экономических институтов, обеспечивающий защиту прав собственности небольшой элитной группы, не оказывает негативно-го воздействия на экономический рост, если все основные инвестиционные возможности сосредоточены в руках именно этой элиты, но может быть и весьма вредным, если инвестиции и участие других групп имеют важное значение для экономического роста». [1, С. 14]

Таким образом, степень качества базовых политических и экономических институтов будет определять долгосрочные тенденции экономического развития. «Хорошие» институты задают такую систему экономических стимулов, которая позволит наиболее эффективно использовать ограниченные ресурсы и обеспечить устойчивые темпы экономического роста. В качестве непосредственных причин последнего рассматриваются накопление факторов производства и инновации.

Существует и другая точка зрения, согласно которой фундаментальной причиной экономического роста служит первоначальный запас человеческого капитала. Именно он определяет качество экономического роста и задает долгосрочный тренд, формируя по ходу дела адекватную систему институтов. Т.е. не «хорошие» институты служат глубинной основой экономического роста, а экономический рост приводит к появлению и закреплению «хороших» институтов. На наш взгляд, существенных противоречий между этими точками зрения нет, так как они не расходятся в оценке тех институтов, которые стимулируют увеличение богатства и улучшение материального благосостояния общества. Априори такими

институтами считаются институты рыночной экономики. Соответственно, делается вывод о том, что в ходе экономического роста на базе качественного человеческого (и добавим – социального) капитала общество обязательно придет к новой системе «хороших» институтов: «... образованные люди будут разрешать противоречия скорее посредством переговоров и голосования, а не ожесточенных споров. Образование необходимо для обеспечения деятельности судов, оно позволяет гражданам работать в государственных институтах. Грамотность способствует распространению информации о злодеяниях государства. Согласно данной точке зрения, страны различаются запасами человеческого и социального капитала, который может быть приобретен при осуществлении определенной политики даже в условиях диктатуры, и результаты функционирования институтов во многом зависят от запасов этого капитала». [5, С. 249-250]

Если рассматривать современные общества, то, на наш взгляд, не столь существенным и принципиальным является вопрос причинно-следственных связей между системой институтов и накопленным человеческим и социальным капиталом. Они взаимно обуславливают друг друга в определенной своеобразной «спирали», выступая последовательно то причиной, то следствием в разворачивающемся механизме общественного развития. Если же рассматривать именно глубинные первоначальные основания долгосрочного экономического роста, то здесь все-таки система базовых институтов будет определяющей.

Э. Глэзер и др. обращают внимание на то, что экономики, не являющиеся по своей сути рыночными, могут при этом демонстрировать высокие темпы экономического роста. Т.е. общество без «хороших» институтов способно показывать выдающиеся результаты в сфере создания общественного продукта. Получается, что существующая система институтов отвергается как фактор экономического роста. Общество должно прийти к этой системе благодаря открывающимся возможностям.

Не отрицая ценности человеческого и социального капитала как непосредственных факторов роста благосостояния общества, все же не согласимся с тем, что они являются определяющими глубинными факторами. Социум существует на базе собственной институциональной матрицы, которая и определяет долгосрочный тренд его развития. Каждая система базовых институтов вырабатывает адек-

ватную ей систему экономических стимулов. Но развитие самой институциональной матрицы – это не прямолинейный процесс. Система развивается циклически и на разных стадиях институционального цикла степень воздействия базовых институтов на экономические стимулы будет различной. На стадии роста, подъема базовые институты получают прогрессивные для данного исторического периода формы и будут активно способствовать экономическому росту. На стадии кризиса формы базовых институтов устаревают, становятся регрессивными и будут тормозить развитие экономики. Это сложный период, когда общество осуществляет поиск новых прогрессивных форм базовых институтов; период экономических кризисов, стагнации, которые преодолеваются не только через трансформацию форм базовых институтов, но и через активную имплантацию комплементарных институтов, их адекватное внедрение в институциональную структуру.

Базовая институциональная матрица Беларуси сформировалась к XIII веку и с тех пор прошла в своем развитии через ряд институциональных циклов. В 20-80-е гг. XX века Беларусь в составе СССР оказалась на очередном институциональном «витке». В сфере политики завершилось унитарное иерархическое устройство властных отношений с господством одной партии и соответствующих номенклатурно-бюрократических элит; в сфере идеологии коммуитарность трансформировалась в идеологию марксизма-ленинизма с подавлением личностного начала в духовном единстве сущностей Я и Мы; в сфере экономики утвердилась система административного раздатка с адекватными ей институтами раздач, сдач, государственной собственности, административных жалоб, служебного труда. Все комплементарные институты имели вторичный, подчиненный характер, заполняя отдельные «ниши» в общей административно-плановой системе и обслуживая функционирование базовых институтов. Деньги в этот период являются преимущественно инструментом плановых расчетов и выполняют функцию перевода качественных натуральных показателей в количественные счетные единицы; цены устанавливаются государственными органами централизованно; торговля носит преимущественно государственный характер; частная торговля разрешена в очень ограниченных масштабах колхозникам, вырастившим свою продукцию самостоятельно на отведенных (через институт

раздач) приусадебных участках; частное предпринимательство законом запрещено и распространяется исключительно в сфере теневой экономики.

Данный институциональный цикл завершился переходным периодом, что было обусловлено в сфере экономики накапливающимися противоречиями между устаревшими формами базовых институтов и изменяющимися потребностями всех субъектов хозяйствования. Одновременно происходит усиление давления на духовную сферу «двойной» идеологии. Нарастает конфронтация официальных идеологических установок и так называемой «кухонной» идеологии, отражающей внутренние духовные установки подавленной личности. Политическая власть (*de facto*) партийно-бюрократических элит приходит в противоречие с политической властью (*de jure*) народа. И народ, и элиты не устраивает формальная система распределения ресурсов и соответствующая ей система прав собственности. В итоге объективно неизбежен период институциональной трансформации, без чего общество просто не сможет быть жизнеспособным, находясь в окружении конкурирующих социальных систем. О. Бессонова так дает характеристику переходных периодов в жизни обществ с X-экономикой: «Переходные периоды берут свое начало на фоне кризиса раздаточной экономики, когда существующая институциональная среда утрачивает свою эластичность и не отвечает изменившейся материально-технологической среде и потребностям всех групп населения. Кризис институтов раздаточной экономики выражается в том, что они перестают обеспечивать координацию потоков сдач и раздач как в рамках всего государства, так и на уровне отдельных социальных групп. Это означает, что весь совокупный объем сдач уже не может покрыть установившийся на определенном уровне объем общественно-необходимых раздач. При этом в явном виде проявляется дисбаланс того, что отдают и что получают разные социальные группы. Никакие внутренние экономические реформы уже не могут помочь раздаточной экономике справиться с накопившимися проблемами». [3, с.27]. Сам кризис раздаточной экономики явился результатом непропорционального роста транзакционных издержек по управлению экономической системой в целом. А это в свою очередь резко снизило трудовую мотивацию в обществе.

Огромное значение в механизме и глу-

бине протекания институционального кризиса имеют комплементарные институты из Y-матрицы, выполняя важную компенсаторную роль. Если говорить более конкретно о сфере экономики, то в период институционального кризиса X-экономики «... раздаточная среда устаревает, теряет эластичность, институциональные пробелы заполняют стихийные формы рыночных отношений, которые имеют самый широкий спектр от криминальных и полуправовых до неразрешаемых, но и не запрещаемых». [3, С. 35]

В переходный период не происходит вытеснения базовых институтов X-матрицы комплементарными институтами из Y-матрицы. Институционально ядро X-общества не уничтожается, а, трансформируясь, обновляется в соответствии с новыми запросами изменившейся материально-технологической среды и потребностей субъектов и социальных групп. Экономическая сфера должна быть адекватна базовым политическим и, что гораздо существеннее, идеологическим институтам. Коммунитарность идеологии не исчезает, так как на ее основе в течение многих веков формировались субъективные ментальные конструкции, закреплявшиеся в том числе и на генетическом уровне. В период институциональных трансформаций лишь происходит поиск обновленной адекватной национальной идеи на базе сформированных ментальных конструкций, отражающих духовную составляющую социума.

Таким образом, Беларусь наряду с другими бывшими республиками СССР, оказалась перед объективной необходимостью институциональной трансформации. Главный импульс этому процессу призвана задать экономическая сфера социума как сфера его жизнеобеспечения. Однако преобразования в сфере экономики, которые предполагают серьезные структурные трансформации как на отраслевом, так и на региональном уровне, возможны только через релевантные изменения системы прав собственности, прерогатива на которые лежит уже в политической сфере.

Сложность заключается в том, что именно государство с его бюрократическими элитами является как субъектом спроса на институты, так и субъектом их предложения. В этой связи Ю. Валиевич совершенно справедливо отмечает: «Поскольку органы государственной власти и управления выступают и на стороне спроса, и на стороне предложения институтов, то они имеют возможность создавать институ-

ты в своих интересах, не принимая во внимание интересы других субъектов экономики. Действуют ли эти органы в соответствии с собственными интересами или же в соответствии с интересами общества, зависит от особенностей политического рынка и бюрократической системы государства». [4, С. 283]

При этом надо учитывать тот немаловажный для нашей страны факт, что Республика Беларусь – малая открытая экономика, сильно зависящая от конъюнктуры мирового рынка и экономического положения стран – основных внешнеторговых партнеров. Это делает актуальным процесс ускоренной структурной перестройки экономики как с точки зрения материальной, так и институциональной составляющих данного процесса. Важно не только изменить отраслевую и производственную структуру национальной экономики с увеличением доли одних (прогрессивных на данный момент времени) и сокращении доли других отраслей и производств, но и обеспечить фундамент необратимости данных процессов в перспективе за счет адекватной перестройки институциональной структуры, в первую очередь путем создания релевантной системы формальных правил.

Все эти трансформации требуют существенных транзакционных издержек и напряжения общества во всех сферах его существования. Именно поэтому беспрецедентно возрастает значимость комплементарных компенсаторных институтов и их адекватной имплантации в институциональную структуру социума.

Начиная с 1991 г., Беларусь пытается перейти к новой так называемой перинатальной фазе институциональной эволюции, предполагающей обновление институционального ядра социума. Однако это возможно лишь при условии успешного преодоления фазы институциональных трансформаций, атрибутами которой являются: изменение доминанты в базовых институтах в направлении временной замены последних комплементарными компенсаторными институтами из противоположной Y-матрицы; отмена старых форм базовых институтов; внедрение квазирыночного механизма и механизма институциональных инноваций. Без этого обеспечение устойчивого экономического развития как стратегии следующего институционального цикла является иллюзией.

Недооценка значимости адекватной институциональной трансформации оборачивается запретительно высокими транзакционными издержками адаптации системы к любым

«шокам».

Опыт функционирования белорусской экономики на протяжении с 1991 по 2010 гг. демонстрирует осуществление псевдотрансформаций в институциональном ядре. Оптимистичные данные о темпах экономического роста в 10-12% в год на самом деле являются иллюзорными. Экономический рост последнего десятилетия на самом деле является «псевдоростом», ибо обусловлен инерцией использования остаточного потенциала устаревших форм базовых институтов. Проблема дискретной адекватной трансформации институциональной структуры не была решена, новые формы не были найдены.

В качестве одного из базовых экономических институтов экономика нынешней Беларуси сохранила почти в неизменном виде институт раздач. Это обусловлено несомненным господством государственной собственности через сохранение основных правомочий в руках административно-бюрократических элит.

Тандем «власть-собственность» не теряет своей актуальности и не подвергается серьезным институциональным трансформациям, сохраняя и закрепляя неэффективные устаревшие формы института раздач. В период административного раздатка 20-80-х гг. XX века институт раздач обслуживался разветвленной системой органов управления (Госснаб, Госплан, министерства, ведомства и т.п.), распределявшей ограниченные ресурсы в плановом порядке по установленным нормативам. В системе народнохозяйственного управления современной Беларуси кардинальных изменений не произошло. Система управления потоками ресурсов по-прежнему централизованная. До предприятий (и не только государственных) доводятся плановые задания; субъектам хозяйствования «настоятельно рекомендуют» заключать контракты о поставке ресурсов с конкретными производителями, не заботясь об экономической эффективности; доступ к ограниченным ресурсам (в том числе и финансовым) контролируется «сверху», что сохраняет существовавшую в СССР зависимость между социально-должностным статусом субъекта и качеством-количеством раздач. Предпринимательский сектор Беларуси весьма отрицательно относится к такому инструменту давления со стороны правительства, как доведение заданий по увеличению объемов производства до субъектов хозяйствования, включая частные компании. При этом доводимые показатели по увеличению объемов производства никак не

увязываются с бизнес-планами самих предприятий.

Для упрощения централизованного регулирования экономикой предпринимаются действия, направленные на сохранение крупномасштабного производства, которое легче «включить» в систему общего государственного контроля. Весьма наглядно это можно показать на примере сельского хозяйства. Анализируя процесс организационно-управленческих трансформаций в Беларуси в последние годы, Гусаков В.Г. отмечает: «...вместо 2550 крупных предприятий, которые числились в 1990 г., в 2008 г. насчитывалось уже только 1391 хозяйство. А размер среднестатистического хозяйства увеличился с 2446 га сельхозугодий в 1990 г. до 4701 га в 2008 г.» [6, С.65] Это создает проблемы с управляемостью и оптимальным использованием трудовых, земельных и прочих ресурсов. При этом число фермерских хозяйств невелико – 1200 крестьянских (фермерских) хозяйств в 2008 г. В результате ресурсы используются неэффективно, а стимул к инвестированию и инновациям резко снижается, причем не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности.

Частное предпринимательство занимает весьма несущественное место в экономике Беларуси. В 2010 году на учете состояло более 80 тысяч малых предприятий. Численность индивидуальных предпринимателей в 2010 году составила 225 тысяч человек. То есть в Беларуси в настоящее время примерно более 200 тыс. человек – это учредители, директора фирм или люди, которые работают сами на себя – это индивидуальные предприниматели. Это порядка 7% от трудоспособного населения страны. Основное производство сосредоточено в государственном секторе экономики, что в настоящий момент не может быть оправдано никакими временными объективными обстоятельствами. В этой связи С. Шиптенко совершенно верно отмечает: «Долгое время отход от декларируемого принципа равенства форм собственности обосновывался необходимостью времени на адаптацию госпредприятий к новым условиям хозяйствования. Однако с конца 90-х курс на построение рыночной экономики был откорректирован, о временном характере дискриминации частного сектора уже не вспоминалось, а в начале 2000-х и вовсе было заявлено, что госсектор априори выполняет более значимую социальную функцию, нежели негосударственный сектор». [11]

Не смотря на заявления о либерализации

белорусской экономики, бизнес по-прежнему пессимистически оценивает проводимую либерализацию, что соответственно сказывается на инвестиционной активности. Это наглядно показывают результаты опросов представителей малого и среднего бизнеса, проводимых исследовательским центром ИПМ в 2010 году. В частности, была сделана попытка определить факторы, которые, по мнению представителей малого и среднего предпринимательства (МСП), больше всего препятствуют хозяйственной деятельности. Эти факторы можно условно разбить на две группы – экономические и институциональные. Среди первых пессимизм малого и среднего бизнеса порождают такие факторы, как падение покупательской способности населения (на него указали 73% респондентов), задержка оплаты и неплатежи за поставленную продукцию (48%), снижение спроса со стороны госпредприятий (32%), переориентация заказчиков на более дешевых поставщиков (26%), ограничение доступа к финансовым ресурсам банков вследствие высоких процентных ставок (23%). [7]

При этом подавляющее большинство респондентов (более 95%) не делали и не планируют делать ставку на рост инвестиционной и инновационной активности. Нехватка финансов делает неактуальной для большинства МСП активную модернизацию, что серьезно подрывает долгосрочные конкурентные позиции белорусских компаний.

Среди институциональных факторов, формирующих пессимизм МСП (оценка давалась по пятибалльной шкале, где 1 – фактор никак не влияет, 5 – очень мешает), отмечают следующие: недостаточная защита имущественных прав и интересов частного бизнеса (3,3 балла); неравные условия по сравнению с госсектором (3,1); сложность налогового регулирования и высокие ставки налогов (3,1); бюрократические барьеры и ограничения (3,1); проверки и штрафы (3,1). [8]

В целом экономическая политика по улучшению важнейших параметров бизнес-климата оценена предпринимателями лишь на 2 балла по 5-балльной шкале. К тому же многие представители МСП опасаются, что либерализация условий хозяйствования не носит долговременного, системного характера, а продиктована лишь конъюнктурными соображениями и необходимостью преодолеть последствия мирового экономического кризиса. [9]

Весьма важными для оценки инвестици-

онной активности бизнеса являются такие косвенные показатели, как индекс восприятия коррупции и рейтинг экономической свободы. Тут нам пока что особо похвастаться нечем. По официальным рейтингам, в 2010 году Беларусь занимала 127 место по индексу восприятия коррупции (рейтинг публикуется международной неправительственной организацией Transparency International) и 150-е место по рейтингу экономической свободы (который издается фондом The Heritage Foundation).

Причина кроется в отсутствии реальных преобразований политических институтов, призванных изменить систему экономических стимулов через релевантное изменение всей системы прав собственности. Это сложный процесс, инициирующий жесткие социальные конфликты, связанные с перераспределением политической власти *de jure* и приведение ее в соответствие с политической властью *de facto*. Причем с более эффективной и прогрессивной политической властью *de facto*, чем она была в период предыдущего институционального цикла. Т.е. политическая система должна быть устроена таким образом, чтобы политическая власть *de jure* оказалась в руках тех субъектов хозяйствования, которые *de facto* не только получают пучок полномочий по отношению к ограниченным ресурсам, но и реально готовы, заинтересованы и могут инициировать инновационно-инвестиционные процессы в экономике. Как верно отмечает Черновалов А.В., в системе управления в обществе в целом сохраняется нормативно-рутинная правовая традиция, для которой сохраняют актуальность и «телефонное право», и поклонение вышестоящему руководству, и коррупция, и правовой нигилизм. [10, С. 80]

Беларусь явно запоздала с такими серьезными и сложными институциональными трансформациями. Одним из «изъянов» последних лет переходного периода является недооценка комплементарных институтов и нежелание их активной имплантации. Своеобразный страх полного вытеснения базовых институтов комплементарными не позволил осуществить их импорт и внедрение в институциональную среду. Большую роль сыграли, конечно, и ценностные установки общества, закрепленные в сознании людей и определяющие систему стимулов при принятии хозяйственных решений.

Сложилась достаточно сложная для Беларуси ситуация, когда, возникнув при кризисе в рамках предшествующего институциональ-

ного цикла устаревших форм базовых институтов X-матрицы, институциональное неравновесие не было преодолено через движение к новому эффективному равновесию. Была предпринята попытка возврата к устаревшим формам базовых институтов и их принудительной консервации. Огромную роль при этом сыграл глубочайший экономический кризис начала 90-х гг. XX века, который в рамках сложившихся ментальных конструкций очень легко оказалось использовать для преломления ценностных установок общества в сторону возврата к советскому прошлому. Удачно сложившиеся для белорусского руководства внешнеполитические и внешнеэкономические обстоятельства позволили создать иллюзию «островка прочности и стабильности». Институт «политического лавирования» между интересами двух мощных противоборствующих соседних социумов был задействован с максимальной краткосрочной отдачей. Как отмечает С. Шипитенко, «вместе с консервацией рудиментов социалистической экономики в постсоветской белорусской модели... усугубляются ее врожденные пороки, а также дополняются уродливыми явлениями, известными по периоду «перестройки». В итоге возникает ощущение, что в Беларуси за 20 лет не осуществлен переход к новой системе, к новому хозяйственному укладу, а совершен своеобразный «крюк» с выходом на прежние позиции. Власти республики попытались опровергнуть сентенцию «невозможно войти в одну реку дважды». [11]

Однако это помешало осознать большинству населения страны наличие серьезных структурных диспропорций в экономике и дисбаланс между экономической и политической сферами. А это, в свою очередь, закрепило неэффективные властные структуры, заинтересованные в сохранении своей ренты. Поэтому сейчас издержки институциональных трансформаций становятся запретительно высокими для общества (учитывая мощное сопротивление чиновничье-бюрократических элит). Беларусь упустила шанс минимизировать социальные трансакционные издержки, неизбежные на стадии институциональных трансформаций. Усилия властных структур были направлены не на обновление институционального ядра, а на сохранение устаревших форм базовых институтов. В результате социальные трансакционные издержки обратились в огромные социальные трансакционные потери.

Движение к институциональному равновесию возможно только через масштабную имплантацию комплементарных институтов. Реальная масштабная приватизация, резкое сокращение доли государственной собственности, ускоренное развитие малого и среднего бизнеса, реструктуризация аграрного сектора и продажа земли, эффективное использование банкротства и санаций, передача полномочий регионам в принятии важных для них хозяйственных решений, создание фондового рынка и т.п. – все эти институциональные преобразования должны серьезно трансформировать институциональную структуру как на микро-, так и на макроэкономическом уровнях. Проблема заключается в «цене» этих имплантаций и трансформаций. Самостоятельно Беларусь (во всяком случае в краткосрочном периоде) с этими задачами справиться не в состоянии именно в силу уже запретительно высоких издержек трансформации.

Таким образом, мы попытались показать, что экономический кризис 2011 года – это лишь отражение глубокого кризиса институциональной структуры, связанной с недооценкой своевременной имплантации комплементарных институтов на фазе институциональной трансформации общества. Требуется более глубокое и тщательное исследование как особенностей базовой институциональной матрицы белорусского общества, так и институциональных циклов в ее развитии. Это позволит в дальнейших исследованиях описать модель долгосрочного тренда не только в экономическом развитии, но и в развитии социума в целом в единстве его экономической, социально-политической и духовной сфер.

Литература

1. Асемоглу Д. Институты как фундаментальная причина долгосрочного экономического роста / Д. Асемоглу, С. Джонсон, Дж. Робинсон // Эковест. – 2006. – №1. – с.4-43.
2. Асемоглу Д. Институты как фундаментальная причина долгосрочного экономического роста / Д. Асемоглу, С. Джонсон, Дж. Робинсон // Эковест. – 2006. – №2. – с.180-247.
3. Бессонова О. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. – Новосибирск: Изд-во ИЭиОПП СО РАН, 1997. – 76 с.
4. Валевиц Ю. Институциональное равновесие / Ю. Валевиц // Эковест. – 2002. – №2. – с.276-300.

5. Глэзер Э. Являются ли институты причиной экономического роста? / Э. Глэзер, Р. Лапорта, Ф. Лопес-де-Силанес, А. Шлейфер // Эковест. – 2006. – №2. – С. 248-287.
6. Гусаков В.Г. Производительность и конкурентоспособность сельского хозяйства Беларуси: анализ и перспективы / В.Г. Гусаков//Белорусский экономический журнал. – 2010. – №1. – С. 61-72.
7. Ракова Е. В поисках факторов роста // Экономическая газета. – 2010. – № 36.
8. Ракова Е. Либерализация не впечатлила // Экономическая газета. – 2010. – № 39.
9. Фридкин Л. Синдром промедления и недоверия // Экономическая газета. – 2010. – № 37.
10. Черновалов А.В. К вопросу об эффективности рыночных институтов в рамках белорусской институциональной среды / А.В. Черновалов//Вестник Брестского государственного университета. – 2010. – №2. – С.72-82.
11. Шиптенко С. «Белорусская модель» как итог двадцатилетнего застоя [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1411892.html>. – Дата доступа: 08.06.2011.

Статья поступила в редакцию 22.06.2011